

Анна Горностаева

РАССКАЗЫ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Алексеевна Горностаева

Рассказы в алфавитном порядке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42277612

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник рассказов о разных людях – маленьких и больших, хитрых и простодушных, счастливых и не очень. У героев разные профессии, национальности, возраст. Многие из них существуют на самом деле, а описанные события взяты из жизни. Так, например, в рассказах А, Б, Г, Й, Н, У, Ш, Я писательский вымысел отсутствует, все персонажи – реальные личности. Для создания других образов были использованы вымышленные герои. Там, где реальность оказалась скучна – пришла на помощь фантазия. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ангел Алена в авангарде алфавита	4
Божественная Бепа	9
Великолепный Вениамин	15
Гоня грызет гранит	24
Дима-дельфин	31
Ева и еда	38
Ёклмн для Ёжика	52
Жора и жестокое желание жить	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ангел Алена в авангарде алфавита

Иногда я испытываю отвращение ко всему человеческому роду. Обычно это происходит при определенных обстоятельствах. Например, длительное стояние в очередях весьма располагает к размышлениям о мерзкой природе людей. Вообще любое пребывание в толпе, в тесноте, когда на один квадратный метр пространства приходится более одной живой души – будь то эскалатор метро в час пик или дискотечный клуб – не способствует укреплению любви к несовершенным человеческим существам. Любой экскурс в историю – древнего мира или новейшую – вызывает чувство стыда и сожаления: как старательно, как изощренно, как методично использовали люди преимущества своего вида, чтобы уничтожать тех, кто слабее, а также самих себя, да и вообще – весь мир! Для того, чтобы убедиться, что человек – самое низменное, самое подлое, самое гнусное из всех живых существ, достаточно посетить всего-навсего один музей – тот, который есть почти в каждом более-менее значимом с точки зрения туриста европейском городе – музей пыток. Конечно, мирных и приятных музеев в мире значительно больше – скажем, музеи игрушек и музеи цветов (жаль, что нет музеев любви и дружбы). Но камера пыток – непременно в каждой столице: заходите, ознакомьтесь с человеческой изобретательностью в производстве мерзости. И идут ведь туристы,

и рассматривают экспонаты со страхом, брезгливостью, ужасом, но в любом случае – с любопытством. Конечно, интересно: ведь это исторические факты! И русская история богата такими примерами. Кто может оспорить тот факт, что Иван Грозный – извращенец и садист – так много сделал для укрепления русской государственности? А Петр Первый – любитель рубить окна прямо сквозь живых людей? Тоже ведь выдающаяся личность. Да и глубже копнуть русскую историю: большинство великих князей – убийцы, предатели и, по сути, подлецы – но каждый из них внес вклад, расширил, укрепил, усилил... Нет, история человечества – вещь омерзительная. Как война. Как выгребная яма.

Что до современности – нынешний представитель рода человеческого радуется еще меньше. Будь он государственный деятель, знаменитость или простой обыватель. На фоне людей животные смотрятся куда выигрышнее. Скажем, любая свинья намного симпатичнее какого-нибудь забулдыги, а такие четвероногие, как ослы, бараны и козлы, куда честнее и благороднее многих двуногих. Что касается собак – те и вовсе чудесны; причем и суки, и кобели несравнимо добрее людей, которые используют эти слова для оскорбления себе подобных.

Это было вступление – весь накопившийся негатив. Позитив впереди. Без него нельзя, поскольку люди, которым посвящен этот сборник, к счастью, разные. Есть, например, такие, жизнь которых оправдывает существование на Зем-

ле человечества. И в какой-то степени они компенсируют ту грязь, которую это самое человечество нанесло на многострадальную нашу планету, и главным образом – на себя. И не надо никаких подвигов. Они просто живут и этим очищают воздух. И рядом с ними дышится легче.

Мне повезло – мне такие люди встречались. Не скажу – много, их много быть не может. Это – товар штучный, уникальный, с особым вдохновением господом Богом сделанный. Но все-таки они есть. И первая из них – Алена.

Алена – существо неземное, ангелоподобное. Нет, с виду она, конечно, обычный человек с ногами, руками, головой и всеми прочими частями тела, без ангельских крыльев. И вроде не летает. Тем не менее к биологическому виду «человек» ее можно отнести с большой натяжкой – из-за отсутствия одних весьма важных признаков и наличия других, человеческому роду не свойственных. Разберемся по порядку.

Первое, и самое важное: полное отсутствие зависти и алчности – абсолютно нехарактерная для среднестатистического человека особенность. Такое встречается у философов-отшельников, юродивых и фанатиков своей идеи. Но Алена не то, не другое и не третье, а обычная девушка. Как ей удастся обходиться без таких важных качеств, да еще при этом добиваться своих целей – ума не приложу.

Второе – это абсолютно искренняя любовь к окружающим людям и бескорыстное желание сотворить добро. Неважно, какое: может быть, шоколадкой поделиться, может – мир

спасти. Для нее это, похоже, одно и то же. И она этим занимается с большим удовольствием, не ожидая награды – ни от людей, ни от Бога.

Третье – удивительная увлеченность своим делом, что обязательно находит выражение в особой красоте и одухотворенности. Потому что тот, кто радостно и хорошо что-то делает, всегда очень красив, пусть он хоть чистит кастрюли и моет полы.

Можно продолжать еще, но, по-моему, доказательств ангельской сущности Алены вполне достаточно. Ее возраст, профессию, семейное положение (и далее по списку) умышленно не называю – для ангелов это не имеет принципиального значения. При этом она умудряется быть обычным живым человеком, Возможно, у нее есть какие-нибудь недостатки. Кто знает – вдруг она скверно готовит или боится темноты. А может, не любит мыть посуду. Но это прощительно. Ведь с главной своей задачей она справляется успешно – делает мир лучше и чище.

Каким образом? Если бы я знала ответ, то, наверное, написала бы пособие «Как быть ангелом» и прославилась в качестве автора первого учебника по данному направлению. Но я не знаю. А могу судить лишь о внешних проявлениях ангельской деятельности Алены. Она улыбается. Она сопереживает. Она довольна собой и своим окружением. Она разговаривает. Она учит и учится сама. Она придумывает и воплощает в жизнь. Ей интересно жить.

Вот, пожалуй, и все... Получается, что ангелом быть так просто... Или нет?

Божественная Бепа

Ее звали совсем не так. Просто однажды знакомый англичанин прочитал ее имя, написанное по-русски, как если бы оно на его родном языке. Получилось «Бепа». Ей понравилось – необычно. А она, как любой подросток, хотела быть оригинальной. (Правда, как раз в этом стремлении она не отличалась оригинальностью). С тех пор она иногда так представлялась. Никто не удивлялся – Бепа и Бепа. Каких только имен не придумывают родители для своих любимых чад. В каждом дворе бегают русские дети с экзотическими именами – сопливые Матильды, Брунгильды и Вальтеры. Зигги (он же Зигфрид) дерется в песочнице с Ваффи (Варфоломеем) из-за формочек; в школу шагают Марфы, Феклы, Елисеи и Архимеды. Богдан и Мефодий втихаря курят на перемене, а Лавр и Изольда целуются после уроков. Так что Бепа вполне органично вписалась в эту разношерстную антропонимическую белиберду.

С раннего детства ее имя соседствовало с самыми разными определениями. Так, в младенчестве она была *беспроблемная*, потому что хорошо кушала, крепко спала и развивалась по учебникам; потом ребенок был охарактеризован как *шустрый* и *опережающий* средний уровень. Первоклассницей девочка оказалась *способной*, но *несобранной*. Далее Бепу преследовали такие позитивные определения, как:

спортивная, перспективная, целеустремленная, артистичная наряду с осторожными оценками: независимая, свое нравная и упрямая. Случались и крайне радикальные суждения: говнистая, нахальная, выпендрожная, но Бепа их все рьез не воспринимала.

В подростковом возрасте Бепе понравилось самой подбирать себе характеристики и доказывать свое право на них. Какое-то время ей доставляло удовольствие быть *верховодящей*, но это скоро приелось. Резко поменяв психологический тип с экстраверта на интроверта, она нашла новое качество, а вместе с ним и новую нишу. Теперь наиболее симпатичным прилагательным, определяющим ее суть, ей казалось слово *странная*. Такой быть удобно (никто не пристаёт и не пытается тебя переделать) и романтично. Кроме того, не требуется никаких объяснений или обязательств – что с такой взять? Одно плохо: странной быть не так-то просто. Вот например, не следовать моде для молодежи – странно. Это берется на вооружение. Но тут вдруг выясняется, что не следовать моде – модно. Это такой новый тренд, из самого Парижского Парижа завезенный. И все, как один, перестают следовать моде. А что делать в такой ситуации странным подросткам со своей самоидентификацией? Правильно: влезать в шмотки от Дольче и Габбана и терпеть, пока это сумасшествие не закончится.

Или другой пример: все девушки фотографируются с чашкой кофе, сидя на подоконнике и устремив задумчивый

взгляд в окно. А *странная* просто обязана добавить в эту картину какую-нибудь яркую запоминающуюся деталь. Скажем, то же самое, но с трусами на голове (дорогие читатели, это идея Бепы, просьба не претендовать на авторство!) Но как только синие в полосочку трусы, украшающие прическу странной Бепы, оказались «ВКонтакте», все словно с цепи сорвались: юные особы принялись бешено демонстрировать нижнее белье на совсем неподходящих частях тела. Барышни с гордостью выставляли напоказ лифчик на месте брючного ремня, кокетливо размахивали трусами-сумочкой, обматывали уши колготками. И не было никакой управы на бессовестных плагиаторов, и не защитил Бепу закон об авторских правах.

В конце концов Бепа так устала бороться за свою странность разными изошренными способами, что решила взять тайм-аут, прибегнув к спасительной тактике: самое странное – быть как все и ничем не выделяться из толпы. Таким образом она некоторое время наслаждалась покоем, отдыхая от тягот оригинальности, но тут, как гром среди ясного неба, на нее свалился новый ярлык: Бепа узнала, что она *божественная*.

Знание открылось совершенно неожиданно, когда один молодой человек обозвал ее таким неподходящим словом и – хуже того – посвятил ей стихи. Что-то вроде: «не мучай меня, не могу без тебя» и «если не полюбишь, ты меня погубишь». Едва очухавшись от мощного поэтического удара,

Бепа принялась выискивать в письме воздыхателя сарказм или хотя бы иронию (это могло бы спасти его доброе имя). Увы, юноша был до безобразия серьезен, что подтвердилось последующими письмами с очередными стихотворными шедеврами и еще более настойчивыми требованиями ответного чувства.

Если бы любовные письма приходили от загадочного незнакомца или, на худой конец, от знакомого, но взрослого и уважаемого человека, Бепа была бы польщена. Раньше ее никогда не называли «божественной». Если честно, то признаниями в любви и комплиментами она до сих пор избалована не была. Максимум, на что расщедрились представители мужского пола в ее адрес, это: «Ну ты крутая!» и «Я с тебя тащусь!» Так что изысканный стиль должен был бы радовать Бепу, но... Главная подлость состояла в том, что незадачливый воздыхатель оказался вовсе не далеким и прекрасным принцем, а бывшим одноклассником Стасиком, с которым Бепу связывала многолетняя детская дружба, совместные прогулы уроков и мелкие, но веселые проказы. И вот теперь этот самый Стасик, который еще недавно толкался и обзывался, вдруг обомлел от Бепиной неземной красоты, стал сохнуть от любви и страсти и предлагать немедленно жениться. Ужас какой. Мир сошел с ума.

Какой простой и понятной представлялась взрослая жизнь лет этак пять-шесть назад, когда перспектива повзрослеть, жить самостоятельной жизнью, выйти замуж, завести

детей была далекой, как луна на небе, а оттого не пугала и воспринималась спокойно: это нечто неизбежное, но принадлежащее к другому миру! И как страшно сейчас, когда луна приблизилась вплотную, так что потрогать можно и различить все неровности ее поверхности; как удивительно и нелепо, что детство уже ушло, а дети этого и не заметили, и вот уже неведомая взрослая жизнь нависла и заслонила собой солнце, и беззаботность исчезла...

Конечно, Бепа знала, что в жизни случается любовь. И про то, что люди женятся, тоже знала. А откуда берутся дети, ей стало известно ей еще в первом классе – прогрессивная мама рассказала во всех технических подробностях, чтобы избежать поступления недостоверной и искаженной информации от дворовых друзей. Так что к жизни она была вполне готова. Теоретически. Ведь это все могло происходить у других, а не у нее. И вообще, муж – существо крайне противное. У него кривые ноги, толстый волосатый живот, растянутая грязная майка и нестриженные ногти. От него воняет луком, и он постоянно хочет жрать. Все парни, даже самые симпатичные, становятся такими, когда женятся. Прямо в ЗАГСе, под марш Мендельсона. Жуткая картина.

А еще от любви заводятся дети. В принципе, Бепа к детям относилась положительно. А еще лучше – к своим младшим братьям и сестре. Но эти были свои, понятные, родные, она к ним привыкла. А ведь ей предстояло рожать каких-то новых, незнакомых, и бог знает, какими они окажутся! А вдруг бу-

дут вредными, противными, станут носиться, орать, драться?

Нет уж, подумала Бепа. Замужество и дети – это не для меня. В жизни столько всего интересного и удивительного: можно прыгать с парашютом или заняться альпинизмом, научиться играть на барабанах, нырять с аквалангом, поехать в Ботсвану, выучить суахили, танцевать хип-хоп... Можно просто читать, в конце концов. И зачем тратить время на какого-то непонятного мужа и еще более непонятных детей?

Поэтому, хорошенько поразмыслив, божественная Бепа села за компьютер и написала Стасику, что он – дебил. Чтобы он не смел писать ей idiotские стишки, а то она его как треснет по башке! И вообще, максимум, на что он может рассчитывать – это совместная прогулка на скейтах. Тоже мне, герой-любовник! А в конце приписала, что любовь и замужество ее вообще не интересуют. Ни со Стасиком, ни с кем другим. Потому что это пустая трата времени и, вообще, очень скучно.

После того, как Бепа отправила письмо, она ощутила себя очень умной и взрослой. Немного безжалостной – ну и пусть. Но зато решительной и целеустремленной. Действительно, немножко божественной.

Великолепный Вениамин

Когда Вениамину Алексеевичу Редину позвонили из участкового отделения полиции и вежливо пригласили зайти для серьезного разговора, он ничуть не удивился. Можно сказать, он ждал этого приглашения.

Тем же вечером Вениамин Алексеевич стоял перед железной дверью и безуспешно звонил в сломанный, как потом выяснилось, звонок. После нескольких энергичных ударов кулаком и ногой дверь открыл хмурый участковый и сходу пообещал «начистить рыло за хулиганство». Впрочем, когда Вениамин Алексеевич представился и объяснил, что иначе было не достучаться, полицейский смягчился и провел Редина в тесный и очень прокуренный кабинет. Вениамин Алексеевич устроился на продавленном стуле и приготовился смиренно слушать.

Однако участковый не торопился. Для начала представился сквозь зубы – Дружинкин Юрий Николаевич. И, грузно опустившись на свое место за столом, воззрился на собеседника с легкой брезгливостью.

Вениамин Алексеевич повздыхал, поерзал. Не дождавшись вопроса, с покорным видом начал рассказывать:

– Я родился в городе Москве в 1971 году. Мои родители мечтали дать мне юридическое образование, но я выбрал психологический факультет МГУ. Прочувшись пять лет, я

защитил диплом и устроился на работу...

Юрий Николаевич вытаращил глаза и прервал его взмахом руки:

– Погодите, погодите. Вы по какому вопросу?

– Так вы мне сказали – для серьезного разговора. Я подумал, чтобы серьезно разговаривать, собеседники должны иметь друг о друге хотя бы какой-то минимум информации. Вот и стараюсь о себе рассказать. А про вас я кое-что знаю: вы работаете на нашем участке уже семь лет (я выяснил), работу свою не очень любите, особого усердия не проявляете, иначе бы мы с вами раньше познакомились. Здоровье не бережете, потому что кабинет у вас прокурен страшно. Спортом, судя по фигуре, не занимаетесь. Обручальное кольцо есть – значит, женаты.

Дружинкин подался вперед и прорычал:

– Так, Шерлок Холмс, значит? Я тебе не Ватсон, блин! А будешь выпендриваться – я тебя живо на пятнадцать суток упеку! Там тебя дедукции научат, Камбербэтч хренов!

– Извините, – коротко отозвался Вениамин Алексеевич. – Был неправ.

– То-то, – успокоился Дружинкин. – Расскажите, гражданин Редин, что за дебош вы устроили три дня назад в детской поликлинике.

– Какой же это дебош? – искренне удивился Редин. – Это была попытка психоанализа. Увы, неудачная.

– Что за, на хрен, психоанализ? Фрейд, что ли?

Лицо Вениамина Алексеевича выразило искреннее восхищение эрудицией участкового.

– Да, да. Юрий Николаевич, я вижу, вы человек образованный. Сериалы современные смотрите, не самые глупые, между прочим. Про Фрейда что-то слышали. Я вам сейчас все объясню, вы поймете. Понимаете, я повел дочку на прием к отоларингологу...

Дружинкин, вооружившись карандашом и листом бумаги, прервал:

– К кому на прием?

– К лору. Который ухо-горло-нос. Ушнюк.

– Я понял. Дочке сколько лет?

– Три года. У нее был отит, а после болезни необходимо провериться. Я, понимаете, поздно женился, поздно стал отцом...

– Это к делу не относится.

– Как же не относится? Моя жена моложе меня на двадцать лет, она еще довольно легкомысленна, говорит – дочка выздоровела, все прошло. А я, понимаете ли, волнуюсь...

– Послушайте, Вениамин Алексеевич, – побагровел участковый. – Меня вовсе не интересует здоровье вашей дочери.

– А вот это зря, ей-богу, зря, – горячо и быстро заговорил Редин. – Здоровье детей – и своих, и чужих – наша главная забота. Если дети будут здоровы, физически и психически, общество будет намного лучше... Простите, я отвлекся.

Так вот, я просидел с дочерью больше часа в очереди – удивительное это место, детская поликлиника, как будто специально созданное для того, чтобы утомлять и нервировать людей... Там в очереди был один мальчик с мамой – все это время я на них смотрел. И то, что я увидел, было ужасно.

– Что именно – ужасно? – не поднимая головы от записей, уточнил Дружинкин.

– Все ужасно. И мама, и мальчик, и их прошлое, и настоящее. А самое ужасное – будущее. Потом я не выдержал, подошел к маме и поговорил с ней. Я знал, что она расстроится. Но не мог поступить иначе.

– Расстроится? – хмыкнул Юрий Николаевич. – Да она в прокуратуру телегу накатала! Она требует вас судить и хочет возмещения морального вреда! И мне весь мозг вынесла, какой вы опасный и страшный преступник. А что вы ей сказали, что она так разошлась?

Вениамин Алексеевич обреченно вздохнул.

– Да, я должен был предвидеть, что она не поймет... Лучше было поговорить с отцом... Или в школу пойти...

– Что? Вы? Ей? Сказали? – медленно и с расстановкой повторил участковый.

Редин огорченно развел руками:

– Я сказал: очень жаль, что нельзя было это предвидеть. Потому что самым правильным решением было бы избавиться от этого ребенка еще в утробе. Но раз уж он родился, единственный выход для него и для матери – немедленно

расстаться. Отдать его в детский дом. Развестись и оставить мальчика с отцом. Есть Суворовское училище, наконец. Но что-то надо делать срочно.

Юрий Николаевич медленно поднялся со стула и снова перешел на «ты»:

– Ты больной? Ребенку восемь лет! Ты что несешь?

– Этот человек – садист. И неважно, сколько ему лет. Дети – тоже люди, у них есть точно такие же дурные наклонности, как у взрослых.

– Да что ты в этом понимаешь? Психолог, мать твою!

Вениамин Алексеевич скромно потупился:

– Да, я психолог. Я пять лет по специальности проработал, а теперь психология – мое хобби. Кстати, и вашей матушке того же, дай бог ей здоровья.

Дружинкин вспыхнул, но сдержался. А Вениамин продолжал:

– Когда меня с работы выгнали... за нарушение профессиональной этики... я подумал: есть много людей, которым нужна моя помощь. И пусть я не являюсь больше штатным психологом – они сами меня найдут. А я никому не откажу в совете. Даже если его не просят. Ведь обычно людям кажется, что у них все в порядке. А это просто видимость.

– Хорошо, – устало проговорил участковый. – Из психологов вас поперли, это я понял. А в данный момент чем занимаетесь?

– О, у меня свое дело, – оживился Редин. – Своя фирма.

Акционерное общество.

– И как успехи? Что за фирма?

– ОАО «Последний путь». Ритуальные услуги. Гробы, венки, погребение «под ключ». Кстати, вот моя визитка, если понадобится...

– Нет, спасибо, – оборвал Юрий Николаевич. – Рассказывайте дальше.

– О чем?

– О мальчишке-садисте. Кого он зверски замучил, пока вы в очереди сидели?

– Да в том-то и дело, что никого. Единственный человек, который для него важен – это его мать. Он все делает ради нее, больше его никто и ничего не интересует. Видите ли, к несчастью, он ее безумно любит.

– К несчастью? – не понял Дружинкин.

– Именно. Это величайшая трагедия, грустнейшее роковое совпадение. Понимаете, есть мужчина и женщина, мать и сын. Она – главная любовь всей его жизни, и ему все время кажется, что она испытывает к нему недостаточно сильные чувства. А мать, к сожалению, любит его по учебникам: знает, как надо, как правильно, как материнский долг велит, но сердце свое при этом не слышит. Теперь прибавьте к этому садистские наклонности сына – он получает удовольствие только когда издевается над предметом своей любви и видит ее сильные эмоции – раздражение, гнев, отчаяние. И все это на фоне крепнущего у матери чувства вины – она во всем ви-

нит себя: недостаточно внимания уделяла, неправильно воспитывала, во время беременности нервничала... Получается замкнутый круг: чем больше он изгаляется, тем более виноватой она себя чувствует, тем крепче его власть над ней, тем более изошренными становятся издевательства.

– И что же с этим делать? – уже заинтересованно спросил участковый, у которого тоже был сын – лоботряс и любитель повыпендриваться.

– Что-либо менять уже поздно. Да и вряд ли это было вообще возможно – человек родился с потребностью причинять боль окружающим. Жаль, что вся его злая энергия сосредоточилась на матери. Стереотип отношений сложился устойчивый, сломать его ей не под силу. Единственный выход – бежать. Иначе... Все печально. Пока он добивается нужной реакции, бросаясь на пол и закатывая истерики. Через пару лет он изобретет что-то более действенное. Не дай бог, если в семье есть младшие дети или домашние животные – им не поздоровится. Мальчик обеспечит наилучшие условия для возникновения нечаянных увечий и прочих неприятностей – все, лишь бы ранить мать. Наконец, ради того, чтобы сделать ее совсем несчастной (напомню, именно это приносит ему радость), он примется за эксперименты с собственным здоровьем и даже жизнью – как бы болезненно это не было. Заключительный прыжок этого подростка с крыши – еще легкий исход. А скорее всего, будет следующее: классе в девятом-десятом мальчик возьмет отцовское

охотничье ружье и перестреляет десяток одноклассников и учителей. А потом отправится в тюрьму или в психушку, получив полное удовлетворение от того, что горе матери безутешно. Вот такая перспектива.

Юрий Николаевич поежился. Такого бреда ему давно не приходилось слышать. Этот долбанутый психолог, похоже, сам псих. Надо обратить на него внимание, понаблюдать. А то, не дай бог, уколошит кого-нибудь ради спасения мира. И будут у Дружинкина на участке неприятности.

– Вы знаете что, Вениамин Алексеевич? – обратился он к собеседнику любезно и даже дружелюбно. – Вы идите домой. Работайте в своем этом... ОАО... с покойниками, у вас ведь с ними все хорошо получается?

– Да, великолепно, – радостно откликнулся Редин. – Намного эффективнее, чем с живыми.

– Вот-вот, великолепный вы мой, идите к своим клиентам. А в поликлинике больше не выступайте. И вообще нигде не выступайте, люди сами разберутся. Ну кто вас просил влезать? Какое вам дело, что там дальше будет с этой мамой, с этим мальчиком, с его одноклассниками? Занимайтесь своим делом, хороните, закапывайте... как положено, короче.

Вениамин Алексеевич понял, что аудиенция окончена и поспешно встал.

– Хорошо, – забормотал он, отступая к двери. – Я бы и не подошел... не лез бы... но как же так – я знаю и могу предупредить, но не сделаю этого? Вот и вы, Юрий Николаевич...

не верите мне... а я ведь и вам хотел помочь... кое-что посоветовать...

– Идите уже, идите, – мягко, но категорично подтолкнул его к выходу Дружинкин. – Милиция, то есть, тьфу ты, блин, полиция, закрывается. Прием окончен.

После ухода Редина участковый глубоко вздохнул и перекрестился. Черт их дери, этих шизиков, развелось, как тараканов. Того и гляди, ножом пырнут. Этот хоть вежливый, интеллигент, мать его. А та, сумасшедшая мамаша, визжала как резаная. Чуть ли не с кулаками на него кидалась – требовала, чтобы Дружинкин этого мужика посадил. Вот с какими кадрами придется работать – как будто у него на участке филиал дурдома. Нет, надо кончать с этой собачьей работой.

Еще и сын... балбес, блин. В кого только такой?

Гоня грызет гранит

– Гоня, смотри в книгу, – в который раз сказала мама.

Гоня перевел глаза с окна на раскрытую перед ним книгу и послушно уставился в текст. Это была сказка Джанни Родари – в общем, довольно интересная, если бы ее вслух читала мама. Но в последнее время мама стала вредничать – требовала, чтобы сначала Гоня сам прочитал один или два абзаца. Читать Гоня, конечно, умел, но его постоянно что-то отвлекало. Поэтому время, отведенное на чтение, тянулось вяло и казалось бесконечным.

Вот и сейчас, дойдя до третьей строчки, Гоня споткнулся на сложном слове и неожиданно задумался, от чего дело застопорилось.

– Читай по слогам, если сложно, – нетерпеливо дернула его мама.

Гоня вздохнул:

– Тол-па... вы-ра-зи-ла....

– Дальше!

– Вос-щес-не-ние...

– Что?

– Ну... вос-хи-ня-ние.

– Восхинение? Это еще что такое?

Гоня пожал плечами:

– Ну тут так написано. Наверное, это когда все восхиня-

ются. Значит, радуются.

– Не «восхинение», а «восхищение». Читай внимательно.

– Хорошо. Мама, а ты знаешь, как одним словом сказать: «Умереть на время»?

– Нет, не знаю. Ты прочел: «Толпа выразила восхищение».

Дальше!

– А я знаю: заснуть! Это я сам придумал.

– Молодец. Читай следующее слово.

– Хорошо, сейчас. Можно в туалет?

– Нельзя! Читай!

Гоня потер лоб и водрузил щеки на сложенные руки так, что глаза у него превратились в щелочки, а сам он стал напоминать грустного хомяка.

– Вос-хи...

– Это ты уже прочитал. Следующее слово!

Сын зевнул и снова покорно уставился в книгу. Всем своим видом он говорил: «Я стараюсь и делаю все, что мне говорят. Но прошу помнить, что я еще дошкольник, а детская психика неустойчива и ранима, и чрезмерные нагрузки могут нанести непоправимую травму...»

Однако мама этот молчаливый упрек проигнорировала:

– Я отойду на секунду, а когда вернусь, ты мне назовешь следующее слово, хорошо?

Мальчик кивнул, не отрывая глаз от текста. Мама вернулась быстро.

– Ну?

– Мам, у меня для тебя загадка: кто больше всех думает?

– Не знаю. Кто?

– Поэты. Они все время рифмы придумывают.

– А ученые?

– Ну, мне кажется, ученые после того, как что-нибудь открывают, уже не думают. А поэты все время стихи пишут.

– Гоня, ты сам эту загадку придумал?

Гоня радостно кивнул.

– А следующее слово прочитал?

– Прочитал.

– Ну?

– А?

– Следующее слово назови, будь любезен!

Гоня уткнувшись носом в книгу, сопел несколько мгновений и наконец выдал:

– И.

– Что – и?

– Следующее слово – и!

– Гоня, я сейчас умру от тоски! – пригрозила мама.

Гоня заинтересовался. Что – правда можно умереть от тоски? Или мама преувеличивает? Спросить не решился – слишком грозный вид был у мамы.

– И Ав-ре-ли-о от-пра-вил-ся к ко-ро-лю...

– Быстрее читай, не надо по слогам.

Этой маме не угодишь, то надо по слогам, то не надо.

– Есрпт, – пробормотал Гоня недавно выученное краси-

вое ругательство.

– Не есрпт, а епрст, – машинально поправила мама. – Продолжай.

Гоня хотел продолжить, но неожиданно вспомнил, о чем хотел спросить с самого утра:

– Мам, а если занозу не вытащить, то что будет?

– Ничего не будет. У тебя что, заноза?

– Нет, я имел в виду – если кто-нибудь посадит занозу и не станет ее вытаскивать, то что будет?

– Умрет в страшных мучениях. Читай дальше!

– Что, правда?

– Неправда, конечно. Заноза потом сама выйдет.

– А я думал...

– Гоня, пока ты думал, первый «В» закончил урок и ушел в столовую завтракать.

Мама очень боялась, что из-за медлительности у Гони могут быть проблемы в школе.

– А здорово, они ушли, а я остался! Значит, теперь можно не читать?

– Не можно. Пока ты рассуждал, все уже позавтракали и вернулись. Следующий урок начался.

– А-а. Мам, а мне до какого места читать?

– Хотя бы до конца фразы.

– А фраза – это что?

– Это предложение. Ты будешь читать или нет?

– Буду. На... сле...ду...ю...щий... день... Мам, акула –

хищник?

– Да.

– А дельфин?

– Дельфин не хищник.

– Он же рыбу ест, почему же он не хищник?

– Не знаю. Может и хищник. Гоня, читай ради бога.

– Я читаю. А до конца предложения – это значит до конца строчки?

– Не обязательно. Предложение может быть на несколько строчек. Заканчивается, где точка.

– Так-так-так... Где у нас точка? Вот точка. О, это не очень длинное предложение. Вот если бы было длинное, это было бы хуже. То есть я имел в виду...

Дверь приоткрылась и в щелку просунулась лукавая физиономия Яны.

– А Гонька читать не умеет! – подразнила она и, показав язык, скрылась.

Гоня беззлобно показал сестре кулак.

– Сама не умеешь! А еще ты «р» не выговариваешь!

За дверью возмутились:

– Это ты не выговариваешь! А я выговар-риваю! И вообще, я тебя игнор-рир-рую!

И Яна обиженно зарычала.

Гоня перевел взгляд на маму, которая сидела с убитым видом. Было ясно, что судьба принца Аврелио перестала ее интересовать. Гоня попытался ее приободрить:

– Мам, ты знаешь, раньше людям головы отрубали... Мне Степа сказал. А теперь не рубят.

– Послушай, Гоня, – взорвалась мама. – Тебе скоро семь лет, ты в школу пойдешь. А читаешь до сих пор еле-еле. Вот представь себе, все ребята на уроке начнут читать условие задачи. Потом ее решить надо. А ты, пока с условием будешь разбираться, все время потратишь. Дети домой пойдут, а ты над учебником сидеть будешь. Весь день и всю ночь.

Гоня оживился:

– Что, ночью в школе? А учителя спать не ложатся?

– Что ты мне зубы заговариваешь? Ты вот как себе свою дальнейшую жизнь представляешь? Как жить будешь?

Мысли о будущем посещали Гоню не раз. Ничего конкретного пока не прорисовывалось, но некоторые занятия казались привлекательными. Например, Гоня любил животных и хотел за ними ухаживать. Он даже представлял себе небольшую ферму, где он будет директором. На его ферме будут собаки, кошки, лошади и слоны. Может быть, обезьянки и дельфины – они тоже очень симпатичные. Гоня будет каждый день кормить своих питомцев, гулять и играть с ними. Лечить, если они заболеют. И все животные будут счастливы.

Еще хотелось стать художником. Гоне больше всего нравилось рисовать сказочные сюжеты – монстров, зубастых невиданных животных. Иногда он изображал природу. Краски предпочитал темные – серый, черный, коричневый, бор-

довый, темно-зеленый. Если закат – непременно на грозовом небе, темно-красный. Если лес – обязательно дремучий. Получалось красиво.

Еще интересно попробовать профессию строителя. Строить всегда увлекательно, особенно если не знаешь заранее, что у тебя получится – дом, подъемный кран или паровоз.

Но не об этом же спрашивает мама – Гоня прекрасно понимал. Когда мама задает вопрос таким тоном, ответ не требуется. Надо просто молчать и слушать, как мама сама себе отвечает. И Гоня в который раз выслушал то, что он и так знал. Он должен серьезно готовиться к школе. Школа – это не детский сад. Отвлекаться на уроках нельзя. Учительницу надо слушать внимательно, на ее вопросы отвечать четко и громко.

Конечно, Гоня был согласен: мама права. И стараться он будет, и грызть гранит науки. О посторонних вещах на уроке думать не будет. Все было понятно, кроме одного момента:
– Мам, а зубы заговаривать – это как?

Дима-дельфин

Когда на уроке литературы разговор зашел о выборе профессии, и Петр Евгеньевич стал по очереди опрашивать ребят, кем они мечтают стать, ответы посыпались самые необычные и разнообразные. Только несколько человек изъявили желание пойти по проторенной дорожке, избрав спокойные и надежные профессии врача, инженера и учителя. Большинство детей стремились к оригинальности: в классе оказались будущие стюардессы, певцы, режиссеры, директора кондитерских фабрик и композиторы. Пара человек собирались баллотироваться в президенты России, кое-кто мечтал быть олигархом или банкиром. Мода на полеты в космос прошла, и ни одного Гагарина в классе не нашлось; зато обнаружилось целых три Цукерберга, жаждущих подчинить своему влиянию все социальные сети планеты.

А Дима сразу сказал – хочу стать дельфином. И никем больше. Петр Евгеньевич попробовал уточнить – как это, дельфином? Может быть, все же океанологом? Или дрессировщиком в дельфинарии? Нет, упрямылся Дима, просто дельфином. Обычным дельфином, с гладкой серой кожей, хвостом и плавниками. Жить в глубине и лишь иногда подниматься на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. А потом – снова в воду, в бездонный и свободный мир, где нет границ и условностей. Да ну тебя, отмахнулся учитель, взрослый па-

рень, а ерунду несешь. Пусть лучше Петренко расскажет про обязанности охранника. Петренко, что тебя так привлекает в этой профессии? Слово красивое – «секьюрити»?

Дима не слушал Петренко – он мечтал. Дельфином ему всегда хотелось быть, с раннего детства. Потому что Димин папа тоже был дельфином. Правда, мама рассказывала, что он – капитан дальнего плавания, но мальчик с самого начала подозревал подвох: его отец не мог быть обычным человеком. С мамой он познакомился в Сочи, на морском берегу. Как и все дельфины, папа умел на время превращаться в человека и даже ходить по земле. Это, конечно, очень сложно, но при регулярных тренировках можно научиться резким внутренним толчком разрывать хвост вдоль и превращать его в две ноги. А после того, как все важные дела на суше будут сделаны, необходимо плотно приклеить ноги друг к другу перед прыжком в воду – они снова срастутся, превратившись в хвост. Папа искусством перевоплощения владел в совершенстве и регулярно им пользовался. Вот так он и познакомился с мамой, и они договорились, что их будущий сын родится среди людей, вырастет и получит человеческое воспитание и образование. Но потом, когда повзрослеет, Дима должен вернуться на свою родину – в море, потому что именно там его место, его истинный дом. И там, в морских глубинах, предстоит Диме освоить науки куда более важные, чем физика и математика, а какие именно – Дима представлял слабо. Но море влекло его страшно и неумолимо.

О Димином дельфиньем происхождении ему никто не рассказывал – он сам догадался. Но делал вид, что ничего не подозревает – зачем беспокоить маму раньше времени. Только бы дождаться, выдержать! И Дима крепился, учился, хоть и без особого интереса, но прилежно. Ждал терпеливо. Петру Евгеньевичу тоже ничего объяснять не стал – пусть думает, что хочет. А у Димы свой план.

Одним из пунктов плана значилось: отправиться на черноморское побережье, где познакомились его родители, и попробовать свои силы в превращении. Получиться должно было – Дима чувствовал. Однако знал, что процесс требует серьезного подхода и полного уединения. Поэтому ни одна из редких поездок к морю в детстве не помогла осуществить мечту. Мешала мама, мешали бестолковые суетливые курортники, снующие по пляжу с полотенцами, жующие чурчелы, грызущие семечки. Визжащие дети не давали сосредоточиться. И Дима благоразумно отложил задуманное до более благоприятного случая.

Шанс представился после окончания школы, когда веселая компания друзей, часть из которых поступила в вузы, а часть завалила экзамены, но при этом особо не расстраивалась, решила отметить расставание с детством поездкой на море. Диму тоже позвали, и он с восторгом согласился. Все было по-взрослому, с распитием местных напитков и ночными дискотеками. Приятели отчаянно веселились, маскируя бравадой и раскованностью страх перед надвигающейся

взрослой ответственной жизнью. Домашнее виноградное вино литрами исчезало в некрепких еще желудках вчерашних школьников, ударяя больше по ногам, чем в голову: и эффект от этого получался уморительный – заплетающаяся походка, нелепые падения на радость всей компании, находящейся примерно в одинаковом состоянии. А Дима выпивал вяло, дискотеки прогуливал, девушками не интересовался и бегал по ночам на пустой пляж тренироваться.

Поначалу вообще ничего не получалось – бедный Дима плюхался в воду как бревно, шлепая по поверхности уродливыми человеческими ногами, вместо прекрасного сильного и гладкого хвоста. Но после нескольких дней интенсивных и изматывающих тренировок Дима стал замечать некоторые изменения в своем теле: тазобедренные суставы стали более подвижными, а ноги уже с трудом отлеплялись друг от друга. Упорства молодому человеку было не занимать, и вот однажды, изумленный и неописуемо счастливый, Дима проплыл первую стометровку в своем настоящем – дельфиньем – облике. Радости не было предела, и лишь одно омрачало успех: скоро надо было уезжать – от моря, от ночных заплывов, от будущих друзей, которые с нетерпением ждали Диму в глубине. Не успев как следует насладиться обретенным счастьем, Дима вынужден был прервать отчаянный полет души и тела и вернуться в родной город к маме. И к учебе, о которой он успел совершенно забыть.

Вуз, в который Дима поступил, был не самым престиж-

ным, но довольно серьезным, и учеба требовала изрядных умственных усилий. Запрятав свою тайну поглубже, чтобы никто не догадался, первокурсник с головой погрузился в учебу и, как недавно в морскую глубину, нырнул в водоворот лекций, семинаров и курсовых. Наука давалась легко, может быть, потому, что грела душу перспектива через несколько лет распрощаться с ней навсегда.

А на четвертом курсе Дима женился. Как ведут себя влюбленные дельфины – ученые пока не выяснили, но Дима воспылал страстью, мало подходящей для обитателей тихого и безмолвного подводного царства. Вопреки ожиданиям, его избранницей оказалась не золотая рыбка из аквариума и даже не обитательница московского дельфинария, а очкастая студентка филфака МГУ. Чувство молодого человека нашло в ней горячий отклик, да и выбор женихов на ее факультете был строго ограничен, что делало Диму еще более ценным экземпляром.

После свадьбы Дима решился поведать супруге страшную тайну о своем первом опыте. Молодая жена не только немедленно простила любимому все, что было до свадьбы, но и нашла его приключение очень романтичным и стала ласково называть Диму рептилией. Поскольку она училась на филолога, а не на биолога, незнание классификации животных было для нее простительно. А сам Дима теперь вспоминал о ночных прогулках к морю несколько смущенно и с легким недоумением: неужели все это произошло с ним на самом

деле?

В свадебное путешествие молодые отправились, естественно, к морю, но не к Черному, а к Мертвому – с тем, чтобы заодно посетить древние памятники. На берегу Мертвого моря дельфиний задор у Димы не возник.

Да и в последующие несколько лет мечта несколько стерлась: сначала один за другим родились дети, потом Диме предложили очень денежную работу, потом сама собой приобрелась дача и стала отнимать все свободное время. Во сне Дима видел уже не безбрежные морские просторы, а цифры квартальных отчетов и погонные метры вагонки для отделки дачного домика.

Несколько раз с женой и детьми он ездил на курорты – повидал много морей: Средиземное, Красное, Желтое... Видел своих родичей – дельфинов, иногда с корабля, иногда у самого берега. Сердце замирало, но не смертельно. Потом оцепенение проходило, жизнь продолжалась, и Дима сам себе не мог ответить, когда же состоится его переход из мира сухопутного в мир морской. Вроде бы, уже пора: он давно вырос, поумнел, повзрослел. А с другой стороны, как-то не до того: на работе командировку в США обещают, детей надо в школы-институты устраивать, да и мама постарела, помощь требуется...

Вообще, своей жизнью Дима был доволен. Вроде неплохо все сложилось. Наверное, именно так он и хотел – чтобы спокойствие, и благополучие, и семья хорошая, и карьера.

Выходит, зря он тогда Петру Евгеньевичу про дельфина сказал. Надо было ответить – хочу быть менеджером. Чтобы зарабатывать побольше.

А потом все решилось само собой. Как-то Дима поехал в Сочи на переговоры с фирмой-поставщиком. На море он даже не собирался – дело было ранней весной, вода еще холодная, да и ветер сильный. Но деловые вопросы были решены неожиданно быстро, а до самолета оставалось еще несколько часов. И Дима от нечего делать отправился на пляж прогуляться. Море выглядело грозно и неприветливо, совсем не так, как на рекламных фотографиях. На берег с ревом набегали волны, пенясь и с силой бросаясь на песок; ветер швырял в лицо колючие брызги и звенел в ушах.

Пляж был пуст и безлюден, только у бетонной стены, беспорядочно наваленные друг на друга, громоздились лежаки. Дима оставил портфель с документами на одном из них и подошел к воде. Его обдало мелкими каплями. Потом он зачем-то снял ботинки и носки и закатал брюки. Зашел в море по колено – ледяная вода обожгла кожу. Глубоко, до боли в легких, вдохнул в себя запах моря. Еще немного постоял неподвижно, дожидаясь, пока следующая волна захлестнет его по пояс. Поднял голову к пасмурному небу, намертво склеил ноги хвостом и, сильно оттолкнувшись ото дна, одним прыжком ушел в пучину.

Ева и еда

Отношения с едой складывались сложно. Это был тяжелый психологический роман со всеми крайностями: страсть-ненависть, страдания и разочарования, грозящие перейти в затяжную депрессию. Началось все в раннем детстве, когда маленькая Ева безумно и безоглядно влюбилась в еду. На радость родителям – ведь так удобно жить, когда ребенок кушает с аппетитом, за столом не капризничает, а послушно уминает все, что ему дали: кашу, суп, котлетки, запеканку... Не надо ни сказок, ни уговоров – ложечку за папу, ложечку за маму, ложечку за тетю Юлю. Знакомые умилялись: ах, какая пышечка! Что за щечки!

А дальше начались проблемы. Врач в детском саду огоршил маму приговором: лишний вес, полнота, переходящая в ожирение, срочно ограничить рацион! И вообще, ненормально, что пятилетняя девочка может одна уничтожить за обедом половину жареной курицы. Мама забила тревогу и посадила Еву на диету: творожок, фрукты, отварное мясо. И обязательно физкультура: бассейн, кружок хореографии, зарядка по утрам. Она была ответственной и правильной родительницей, к процессу взращивания чада относилась со всей серьезностью.

Увы. Затея с ограничением питания позорно провалилась. Маленькая Ева, остро ощущая нехватку калорий, проявляла

чудеса изобретательности: клянчила добавку у воспитателей в детском саду, втихоря от родителей жаловалась на голодную жизнь сердобольным бабушкам у подъезда и даже воровала продукты из холодильника. Под матрасом своей кровати она устроила стратегический запас на случай совсем зверского голода. Сюда складировались собранные тайком остатки дневных трапез, сладкие гостинцы, подаренные родственниками, и вообще любые съестные припасы, добытые правдами и неправдами. Ночью, когда родители думали, что она уже спит, Ева устраивала праздник желудка и наслаждалась своими сокровищами, не забывая, однако, оставить кое-что на черный день. Было очень обидно, когда тайна внезапно раскрылась: изумленная мама, учуяв запах протухшей колбасы, переворошила дочкину постель и с ужасом обнаружила секретные запасы. Остатки испорченной провизии были безжалостно уничтожены, а плачущую Еву сначала поставили в угол, а потом поняли, что это непедагогично, и решили отвести к психологу.

Специалист по детским душам долго задавал девочке не относящиеся к делу вопросы о том, нравится ли ей ходить в детский сад, не обижают ли ее сверстники, какие игры она любит, и что видит во сне. Потом Еве было предложено нарисовать картинки – себя, свою семью, своих друзей. Ева прилежно выполняла задания – она была послушной девочкой и (хотя и не видела сути проблемы) разделяла мамино волнение. После серии тестов психолог похвалил Еву за старание.

ние и произнес невнятную речь о трудностях роста, детских комплексах и необходимости больше разговаривать с ребенком о его внутренних проблемах. А в целом все нормально, сказал он: Ева – хорошая девочка, а лишний вес еще никому не помешал самореализоваться. Короче говоря, не мучайте ребенка, пусть ест что хочет, а то, что она толстая – так это у нее конституция такая.

Красивое слово «конституция» осталось с Евой на всю жизнь. В школе ее конституция явилась предметом насмешек и издевок одноклассников – ребята говорили, что ее надо освободить от уроков физкультуры, потому что она не влезает в хулахуп и может раздавить «козла». В секцию по гимнастике ее тоже не взяли из-за конституции: таких тяжелых гимнасток просто не бывает. В бассейн Ева ходить отказалась после того, как тренер обозвал ее «табуреткой» и «медузой».

Так и получилось, что единственный вид спорта, в котором Ева преуспела – это поглощение еды. Процесс был исключительно приятным, но результат угнетал: килограммы прибывали, размер одежды все увеличивался, а тут еще и рост оказался немалый – в отца. К пятому классу девочка обогнала по габаритам маму, а еще через пару лет оставила позади многих немелких взрослых.

В подростковом возрасте нагрянула новая беда: если раньше Ева ела с удовольствием, то теперь вместе с неземным блаженством от поглощения пищи она испытывала му-

ки совести и страх последствий. После сытного обеда настроение неминуемо падало, а чувство вины, казалось, уже глубоко укоренилось в подсознании. Мама возобновила походы с дочерью по врачам: диетологи, психологи, гомеопаты и народные целители мелькали в жизни Евы как телевизионные рекламные ролики: манили обещаниями, убедительно демонстрировали уверенность, соблазняли картинками радужного будущего. Но ничего не менялось. Ева слушала, старательно пробовала новомодные методики, принимала таблетки, соглашалась с необходимостью ограничений в еде. Но... толстела, так как отказаться от привычной вкуснятины не могла. Изощрялась, врала себе и родителям, воровала деньги и покупала съестное.

Когда ей исполнилось семнадцать, мама совсем отчаялась и оставила все попытки что-либо исправить. А Ева очередной раз внимательно посмотрела на себя в зеркало и приняла твердое решение покончить с едой. Ведь именно в ней, в этой ненавистой пище – в колбасе, соленых огурцах, пирожных и фаршированных кабачках – коренилось ее несчастье. Надо просто определить своего врага, узнать его в лицо и дать отпор. Ева начала бороться.

Первый раз ее хватило на три дня. Целых три дня зверского, до головокружения, голода, самоистязания на грани сумасшествия, и все это ради высокой цели – похудеть! Влезть в прошлогодние джинсы (они так быстро стали малы, даже протереться не успели). Надеть облегающую маечку (и что-

бы жир с боков не свисал валиками). И, может быть, даже пойти на дискотеку. Не танцевать, упаси бог, а просто постоять и покачаться под музыку – все так делают на дискотеке. Познакомиться с кем-нибудь. Начать встречаться с парнем. И чтобы он мог без отвращения обнять ее за талию, не увязнув при этом в складках жира. Мечты, мечты...

Какой же незначительной и мелкой показалась эта благая цель, когда Ева, не выдержав мук голода, дорвалась наконец до холодильника. Когда она, с отчаянием обреченной, уничтожала очередную восхитительно ароматную котлету, предварительно обильно полив ее майонезом, она вдруг подумала, что все принцы мира не стоят ее страданий. И пусть она на всю жизнь останется жирдяйкой, пусть никогда не выйдет замуж, зато какое же счастье – есть! Впиваться зубами в кусок, жевать, глотать – и плевать на весь мир!

Вопреки ожиданиям и пессимистичным прогнозам сочувствующих, Ева все-таки вышла замуж. Оказалось, что любителей настоящей, солидной женской красоты намного больше, чем утверждают гляцевые журналы. Осчастливив супруга – в отличие от нее самой довольно субличного мужчину – своими внушительными размерами и широкой душой, Ева немного успокоилась, родила двоих детей и с удовольствием принялась кормить свою семью. Готовить она любила и подходила к этому занятию творчески и со вкусом. Украинский борщ, узбекские манты, спагетти по-неаполитански, азербайджанский плов и венский шницель сменяли

друг друга на Евиной кухне и мирно сосуществовали, перевариваясь в желудках членов семьи, что, конечно же, свидетельствовало о братстве всех народов и успехе процесса глобализации, особенно в гастрономическом плане. Существовало также множество кулинарных рецептов, изобретенных самой хозяйкой и опробованных ею на домочадцах: куриное филе, запеченное в сметанном тесте; гусь, фаршированный грибами и грушами; семга, тушенная в молоке с черносливом; сырнй пирог с печенкой, капустой и жареным миндалем. На радость гостям Ева изощрялась, подавая экзотические блюда тайской, бразильской и новозеландской кухни, без зазрения совести заменяя отсутствующие ингредиенты доступными – морковью, укропом, луком и чесноком (все равно состав никто не проверял). Выходило сытно, жирно, необычно и упоительно вкусно. С кухонной вытяжки от постоянной готовки капельками стекал жир, а кафель над плитой с трудом удавалось отмыть от стойкого липкого налета.

Недолгая идиллия в романе с едой закончилась, когда Ева перестала помещаться в пятьдесят шестой размер, а дочке стало стыдно появляться с ней на людях. Как-то некстати замаячил впереди призрак сахарного диабета, а муж ушел спать на диван в гостиную, объясняя, что на супружеской постели ему слишком тесно и жарко.

Борьба с едой возобновилась. Теперь сражаться было еще сложнее – вокруг все ели: дети завтракали, уходя в школу; отвратительно долго и громко жевал муж; жрали наглые те-

леведущие в многочисленных кулинарных программах; развязная полуголая девица на рекламном постере самозабвенно откусывала здоровенный кусок шоколадного батончика, а бедная Ева терпела и крепилась изо всех сил. Теперь она пыталась не просто воздерживаться от еды, но выработать к ней устойчивое отвращение, старательно припоминая все народные пугалки: как колбасу делают из крыс, сыр – из молока, в котором принимали ванну работники молокозавода, как травят овощи пестицидами. Ева пыталась представить себе синюшные, залежавшиеся трупики кур и гниющие куски мяса, из которых готовят полуфабрикаты... Получалось плохо. Очень хотелось кушать.

Ева срывалась, лопала до отвала, испытывала мимолетное блаженство – и все по новой: еще пара лишних килограммов, снова грызущее чувство вины, злость на собственное слабоволие, потом – заслуженное наказание. Вот тебе, получай, еще два дня голодовки! Нет, три дня! Пусть тебе будет хуже! Выдерживала двенадцать часов и бежала на кухню среди ночи, озверело вонзала зубы в отбивную и плакала слезами стыда и счастья.

Как-то вычитала в женском журнале про два способа разумного питания. Первый заключался в том, чтобы есть все, что хочется, но только до шести часов вечера. С шести до утра – ни крошки. Второй способ предполагал, что завтрак должен состоять из мюсли или овсяных хлопьев на воде, в обед разрешалось съесть тарелку жидкого супа, а ужин мог

быть полноценным и включать в себя несколько разнообразных блюд. Журнал предлагал каждому читателю выбрать удобный для него вариант и гарантировал хорошее самочувствие и нормальный вес.

Ева послушалась умных людей и решила определиться с режимом питания. Она долго колебалась между двумя вариантами и наконец предпочла первый. До шести вечера она много и разнообразно питалась, преисполненная решимости голодать весь вечер. Однако вскоре после того, как пробило шесть, Ева решила, что второй способ все же больше подойдет ее организму, и отправилась плотно ужинать. Так прошло какое-то время: день начинался с варианта №1, а заканчивался вариантом №2. И хотя Ева старательно соблюдала все рекомендации, указанные для обоих режимов питания, она почему-то не худела. Видимо, журнал врал. Вот бессовестные эти редакторы – печатают всякую ерунду, а люди верят.

Одна умная подруга рекомендовала Еве отвлечься, переключиться с мысли о еде на что-нибудь другое, не менее захватывающее. Найти себе хобби. Например, помогает шитье и вязание. Можно начать что-нибудь коллекционировать. Или читать, непременно что-то интересное, с продолжением. Словом, занять себя.

С иголками и спицами у Евы проблемы были с детства – пальцы слишком толстые, работать ими аккуратно и кропотливо не получалось. Собирать марки или монеты ей ни-

когда не нравилось. А вот читать она любила, особенно жалостливые и слезливые рассказы про любовь. Поэтому сразу после разговора с подругой, Ева отправилась в книжный магазин и накупила книжек модной писательницы, известной тонким психологизмом и нестандартным подходом к описанию типичных жизненных ситуаций. Писательница была очень плодовита и регулярно выдавала житейские истории на тему «Вот что с людьми делает любовь», над которыми плакали и умилялись домохозяйки всей страны.

Принеся домой драгоценный груз, Ева без промедления, занялась книготерапией – вместо приготовления обеда. Первая история увлекла ее сразу: переживания героини, имевшей несчастье полюбить женатого мужчину, Ева приняла близко к сердцу. Полтора часа и сто страниц, на протяжении которых писательница открывала читателям бесценную истину – на чужом несчастье своего счастья не построишь – пролетели незаметно. Одна беда: несмотря на крайне напряженную обстановку, персонажи повести постоянно жрали. Каждая встреча влюбленных сопровождалась трапезой – в лучшем случае в кафе за чаем и пирожными, а чаще – за обеденным столом (причем подробно перечислялось все съеденное и выпитое). Если герои отправлялись на романтическую прогулку по осеннему лесу, их непременно тянуло собрать грибов, которые они потом долго жарили, варили, тушили и употребляли – в сметанном соусе с отварной картошкой и укропом. Если в повествовании речь шла о свадьбе

или дне рождения – автор книги не ленилась предоставить любознательным читателям подробный список блюд с описанием вкусовых и обонятельных ощущений. И даже оставшись в одиночестве и оплакивая свою разбитую жизнь, героиня грустно жевала бутерброд с семгой. При этом она вспоминала о прогулках с любимым по ночному Парижу, о жареных каштанах, которые они запивали красным вином... Тьфу ты, провались все пропадом! Ну почему они все время едят? Ну как тут можно отвлечься? Смертельно голодная Ева с досадой бросила книжки и обиделась на всю мировую литературу.

Другая опытная подруга посоветовала: дома, в семье, ограничивать себя в еде невозможно, надо поехать в специальный санаторий – там совсем нет еды, значит, нет соблазнов. Ева разыскала адрес, вызвала к детям бабушку, долго уговаривала мужа: тот ворчал и удивлялся, что санаторий без еды стоит дороже, чем турецкое «все включено». Уговорила. Собралась, поехала, с надеждой и опасениями: справится ли она, выдержит ли? Санаторий оказался обшарпанным, сильно нуждающимся в ремонте строением с протекающей в некоторых местах крышей. Зато с едой не обманули – ее действительно не было. Вместо завтрака пациентам полагалась очистительная клизма, вместо обеда – массаж, а ужин заменяла прогулка на свежем воздухе. Кроме воды без газа внутрь принимать было нечего. Еве стало страшно. Не просто страшно – жутко. Но не надолго.

В первый же вечер ее соседка по комнате – солидная и, судя по сему, не первый раз в таком месте оказавшаяся дама разложила на прикроватной тумбочке крупные ломти белого хлеба, нарезанный сыр и копченую колбасу. Кивнула ошарашенной Еве: угощайся. Что теперь, умирать, что ли? Все так делают. А кто не делает – в психушку попадает. Бери, не стесняйся, мне завтра еще привезут. А как же лечебное голодание, попробовала возразить Ева. Новая подруга не ответила – жевала. Только плечами передернула – совсем психованная, что ли? И Ева вздохнула и приступила к еде.

Из санатория Ева вернулась не похудевшая, но обогащенная новым опытом. И с твердой уверенностью: еда непобедима. В этом мире нет ничего могущественнее ее. Одолеть ее невозможно, но положено делать вид, что сопротивляешься. И Ева продолжала ломать комедию перед собой и окружающими: покупала штаны для похудения во сне, ходила в фитнес-клуб, время от времени считала калории и даже иногда вставала на весы (обычно утром, до завтрака, и только в том случае, если ей казалось, что она немного сбросила вес). К сожалению, впечатление почти всегда было обманчивым.

Занятия на тренажерах приносили моральное удовлетворение: Еве нравилось знать, что она борется. После спортзала она отправлялась в находящееся в том же здании биокафе и старательно изучала меню, составленное специально для поклонников здорового образа жизни. Выверенный баланс белков, жиров и углеводов, экологически чистые продукты –

все это успокаивало и вселяло уверенность в правильности выбора. В конце концов, тарелочка тушеной кенийской фасоли или суп с пророщенными зернами пшеницы – вполне достойное вознаграждение за два часа потения на беговой дорожке. Можно даже добавить рагу из молодых овощей, маринованную спаржу и запеченного в листьях манго угря. Все очень диетическое, низкокалорийное, полезное.

Еще Ева пыталась соблюдать пост, для чего даже начала верить в бога и ходить в церковь. Во время Великого поста ей больше всего нравились Масленица и Пасха, остальное же время она потихоньку грешила, каждый раз прося у бога прощения. Впрочем, Ева искренне не могла понять, чем поможет всевышнему тот факт, что она, скажем, откажется от поджаристого бараньего ребрышка. И зачем богу нужно, чтобы она морила себя голодом? Выстаивая службу, Ева представляла себе аппетитные макдональдсовские гамбургеры, толстые церковные свечи напоминали ей сосиски в тесте, а лики святых почему-то вызывали в памяти глазированные сырки и миндальные пирожные. И, чтобы не искушать себя греховными мыслями, Ева ела. Лопала все – постное и скоромное. Кушала. Жрала. Трескала. Уминала, заглатывала, поглощала, хавала. Словом, с религией что-то не получилось. Наверное, она все-таки была атеисткой.

Не помогла и идеология – общество «зеленых», гостеприимно распахнувшее свои объятия перед жаждущими стать правоверными вегетарианцами, в Евином случае оказалось

бессильным. Ева внимательно прослушала лекцию о вреде мяса, поплакала над фильмом, живописующим страдания поросят, но с неизменным аппетитом поужинала свиной рулькой и вкус к мясным деликатесам не потеряла.

Разумеется, и мнение мужа, неожиданно увлекшегося спортом и здоровым питанием, не могло ничего изменить. Ева продолжала есть, а переродившийся супруг тем временем накручивал круги по стадиону, пытаясь убежать от гиподинамии, инфаркта и атеросклероза. В результате убежал он только от Евы – к спортсменке, мастеру спорта по метанию молота, на целых пятнадцать лет моложе Евы и всего лишь на пятнадцать килограммов легче.

Ева проплакала несколько дней, заедая утрату пельменями, супом с фрикадельками и клубничным вареньем. А потом ночью ей приснился удивительный сон – как будто она вышла замуж за кулебяку. Она ясно увидела, как стоит в церкви, перед алтарем, а рядом с ней – несравненный красавец – мясной пирог, держит ее за руку, смотрит нежно в глаза и сладким тягучим голосом произносит клятву: в болезни и в здравии, в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас... Ева проснулась почти счастливая и сразу отправилась завтракать.

Вот так выглядит настоящее: – полное единение Евы и еды под видом непримиримой борьбы. А что в будущем? Если заглянуть лет на тридцать вперед (а это вполне возможно, ведь будущее каждого из нас предопределено), то мы уви-

дим следующую картину. Вопреки прогнозам воинственных поклонников умеренности, Ева дожила до преклонного возраста, бесполезную борьбу с едой прекратила и научилась любить свои килограммы. Смотрела передачи про анорексичных девушек, ужасалась, жалела их и радовалась: как же мне повезло! Освоила новые экзотические рецепты и, хотя вообще-то передвигалась уже с некоторым трудом, по кухне летала по-прежнему вдохновенно и страстно. Нянчила внуков, правда, в футбол и вышибалы играть с ними не могла, зато с упоением учила внучек кулинарным секретам. На старости лет познакомилась с очень симпатичным и совсем не спортивным старичком, любившим вкусно покушать, и с удовольствием проводила время в его обществе за любимым занятием.

Умерла Ева не от диабета и не от инфаркта, вызванного ожирением, а совсем по другой причине – сбил пьяный водитель. Переходя дорогу, Ева жевала бутерброд с ветчиной, так что жизнь ее до последнего вздоха была счастливой.

ЁкЛМН для Ёжика

Третьеклассник Ваня Ежов по прозвищу Ежик искал в школьной раздевалке куда-то запропастившуюся шапку. Потерял он ее еще накануне и пришел домой, по выражению мамы, «без головы», за что был выруган. Тем не менее Ваниной вины в потере не было – в раздевалке постоянно что-то пропадало. Иногда потом находилось, особенно если вещь никакой ценности не представляла. Шапка была старая, с обтрепанными завязками, поэтому существовали серьезные шансы вновь обрести ее. Ежик специально пришел на следующий день в школу пораньше, чтобы заняться поисками.

Но увы! Ни на вешалках, ни под скамейками, ни в углу, среди беспорядочно сваленных и забытых хозяевами кроссовок без пары, разрозненных рукавиц, шарфов и даже синтепоновых штанов знакомой серой шапки не было. И за батареей Ежик ее не нашел. Зато там застрял интересный продолговатый предмет – пыльный, но от этого не менее притягательный. Мальчик засунул пальцы в щель между батареей и стеной, осторожно выудил металлический цилиндр, сдул пыль и принялся рассматривать. Это был фонарик – небольшой, как раз по размеру ладони, в серебристом корпусе и с несколькими кнопками. Ежик нажал самую большую кнопку – лампочка вспыхнула ярким ровным светом, отбросив на стену четкое круглое пятно. Ежик попробовал другую

кнопку – и фонарик превратился в лазерную указку, сократив пятно света до маленькой красной точки. И еще один режим имелся у этого чудесного устройства: разноцветное мигание, постепенный переход отблесков от оранжевого и малинового до сиренево-сине-зеленого, красоты неопишуемой.

Ежик, недолго думая, сунул фонарик в карман и понесся на урок, забыв про шапку. Какая шапка, если в кармане такая замечательная находка? Раз фонарик за батареей пылился, значит – ничей. Значит, можно взять себе. Удача! Отдать игрушку охраннику, чтобы тот нашел хозяина, Ежику даже в голову не пришло.

На уроке математики Ежик не утерпел: вытащил потихоньку фонарик и, замирая от восторга, принялся под партой переключать режимы. Как ему казалось, делал все незаметно. Неправильно казалось: Татьяна Николаевна увидела. Рассердилась, что Ваня Ежов посторонними вещами занимается, в то время, как весь класс задачки решает. Фонарик – о ужас! – отобрала. Сказала, что отдаст директору, а директор – Ваниным родителям, чтобы те знали, что сын на уроках творит. Ежик приуныл. Сначала надеялся – учительница пугает. Повоспитывает, пожурит, а потом отдаст фонарь. Как бы не так. В тот день Татьяна Николаевна была настроена сурово. После математики с фонариком ушла – Ежик только уныло посмотрел ей вслед. Все, пропала вещь. Жаль.

На следующем уроке – рисования – Ежик отвлекся от мрачных мыслей, работая над изображением старинного

замка с узкими окнами, башнями и флагами. Замок был почти завершен, осталось лишь раскрасить древний герб на воротах. И в этот момент вошла секретарь директора и объявила: «Ежов – к Галине Петровне. Живо!» Тут все ученики как по команде подняли головы и посмотрели на Ежика. А у Ежика похолодело в животе. Неужели директриса его из-за фонарика вызывает?

«И вы, Татьяна Николаевна, тоже зайдите», – бросила на ходу секретарь и удалилась, цокая каблуками. По классу пронесся вздох, затем удивленно-заинтересованный шепот.

«Тихо, дети! Рисуем молча!» – Татьяна Николаевна, похоже, не ожидавшая такого поворота событий, неуклюже засуетилась: «Ну что же ты, Ежов? Выходи!»

Весь путь со второго этажа на первый, до кабинета директора, они шли молча: Татьяна Николаевна – поспешно впереди, Ежик за ней, семеня и спотыкаясь. Перед страшной дверью учительница подтолкнула мальчика вперед, а сама вошла следом. Ежик пробормотал «Здрассть» и устоял в пол, краем глаза заметив на директорском столе злополучную игрушку. За что его вызвали – он представлял себе слабо. Неужели из-за того, что играл под партой? Но он всего лишь несколько раз нажал на кнопочки. Это же не очень страшный проступок. То есть, не до такой степени страшный, чтобы сразу к директору...

Директриса, поблескивающая очками, возвышающаяся над столом и над Ежиком, встретила третьеклассника как

давно ожидаемого, но нелюбимого гостя.

– Итак, Иван Ежов, ученик третьего класса «Б», – объявила она, как будто эта информация являлась для посетителей новой и абсолютно необходимой. – Присаживайтесь, Татьяна Николаевна... Иван, это твоя вещь?

Ежик заставил себя на мгновение поднять глаза, чтобы убедиться: да, именно этот несчастный фонарик держит директриса в цепких пальцах. Мальчик кивнул.

– Значит, ты говоришь, твоя, – заключила Галина Петровна.

Ежик опять кивнул. Директриса продолжала:

– Недавно в раздевалке у детей из карманов стали пропадать вещи – деньги, другие ценности. Ты случайно не знаешь, кто этим занимается? Кто шарит по карманам?

Ежик помотал головой. Он правда не знал. Галина Петровна помедлила и вновь заговорила, на этот раз обращаясь к учительнице:

– Татьяна Николаевна, когда вы заметили у Ежова этот фонарик?

– Сегодня заметила, когда он под партой играл, – с готовностью откликнулась Татьяна Николаевна.

Директриса иронично сверкнула очками:

– Вот совпадение! Несколько дней назад у одного из учеников нашей школы пропал именно такой фонарик. Что ты можешь на это сказать, Ежов?

Ежик молчал. Он искренне не понимал, что он должен

сказать. Галина Петровна, видя его бестолковость, вздохнула и терпеливо уточнила:

– Ты не знаешь, кто мог вытащить фонарик из кармана?

– Не знаю, – выдавил Ежик. Единственное, что он точно знал – что он не вытаскивал. Тут бы ему и рассказать, что нашел фонарик за батареей, но что-то его удержало: ведь еще раньше он подтвердил, что фонарь принадлежит ему, значит, про батарею уже нельзя говорить, получится, что наврал.

– Откуда у тебя эта вещь, Иван? – устало и даже, как ему показалось, доброжелательно спросила Галина Петровна и потерла лоб, как если бы она давно знала ответы на все вопросы, а спрашивала только потому, что это положено.

– Мне подарили, – ляпнул Ежик первое, что пришло в голову.

– Кто? – впилась в него взглядом Галина Петровна.

Ежик лихорадочно соображал, что бы соврать. Маму и папу в это дело лучше не приплетать – будет скандал. Ведь понятно же – речь идет о воровстве. Значит, будут разбираться, проверять. Надо кого-то далекого назвать, кого не станут вмешивать. Кого же? Бабушку? Тетю?

– Дядя подарил, – торопливо сочинил Ежик. – Дядя Петя.

– Дядя Пе-тя? – медленно и по слогам произнесла директор. – Наш завхоз?

И тут Ежик сообразил, что никакого другого дяди Пети, кроме школьного завхоза, он действительно не знает. Вообще, никаких взрослых знакомых по имени Петя у него нет.

И отступать уже некуда.

– Да, завхоз. Дядя Петя. Сегодня подарил.

И Ежик посмотрел на директора максимально честными глазами – а вдруг поверит и отстанет? Вдруг ему повезет?

– С какой это стати завхоз дарит тебе подарки? – язвительно поинтересовалась директриса.

– А я ему помог парты двигать, – отчаянно соврал Ежик. – Я помог, а он за это подарил.

– Хорошо, – ледяным тоном проговорила Галина Петровна. – Сейчас мы пойдем к Петру Ивановичу и посмотрим, подтвердит ли он твои слова. Татьяна Николаевна, я попрошу вас присутствовать.

– Да, да, конечно, – вскочила учительница.

Ежик понял, что он пропал. Они вышли из кабинета – директор с фонарем, Татьяна Николаевна с чувством праведного гнева, отраженном на пылающем лице, и Ежик с горячим желанием провалиться сквозь землю. В ад, в преисподнюю, как можно глубже и дальше. Но пол не разверзся под его ногами. Шаги гулко отдавались в пустом коридоре, шел урок, и в школе стояла тишина, которую только через десять минут должен был разорвать на мелкие клочки пронзительный звонок, а после него рев вырвавшихся на волю юных созданий.

Оставалась крошечная надежда: завхоз дядя Петя не сидел на одном месте, хотя теоретически за ним была закреплена каморка под лестницей. В течение дня он перемещался

по школе, где-то что-то ремонтируя, пересчитывая оборудование, контролируя исправность электропроводки и проверяя состояние сантехники. Найти его было сложно.

У входной двери бдительно дежурил охранник.

– Юра, где у нас Петр Иванович? – строго обратилась к нему директор.

Юра вытянулся.

«Скажи – не знаю, – мысленно молил Ежик. – Скажи – у него выходной. Нет, лучше, он уехал за новыми партами. И вернется завтра. Скажи, пожалуйста!»

– Петр Иванович в актовом зале проверяет стулья для завтрашнего собрания, – бойко и без запинки отчеканил Юра, как будто учил ответ всю ночь.

Мир рушился. Пока троица шла к актовому залу – две решительные дамы, олицетворяющие воинствующую добродетель, и один маленький преступник – перед глазами Ежика разворачивались картины из будущего: его обвиняют в воровстве и исключают из школы, а может быть, даже сажают в тюрьму; родители отказываются от сына-вора; он, весь в наколках, с такими же, как он, разбойниками и убийцами сидит за решеткой и хлебает тюремную баланду из железной миски. Но хуже всего – это стыд, жгучий, непереносимый стыд разоблачения, которое должно произойти через минуту, в присутствии директора и Татьяны Николаевны. Когда выяснится, что Ежик все наврал, что он – всего лишь трус, вор и подлец, когда весь мир узнает об этом... О, как же хо-

телось Ежику умереть у месте, только бы никогда не заходить в этот зал, не видеть завхоза, не переживать этот позор!

Дядя Петя, как обычно, в синем халате, в очках набекрень и с карандашом за ухом деловито копался у сцены безлюдного актового зала.

– Петр Иванович! – зычным голосом воззвала директор. – Можно вас на минутку, будьте любезны!

Завхоз поднял голову, удивленно заморгал, быстро приблизился, обводя всех троих недоумевающим взглядом: что могло от него понадобиться?

Галина Петровна выдержала паузу и торжественно произнесла:

– Петр Иванович, вы сегодня дарили вот этот фонарик вот этому мальчику?

И она вытянула руку вперед, держа двумя пальцами предмет Ежиковых несчастий.

– А? Что? – удивился завхоз, переводя взгляд с одного на другого. – Какому мальчику? Ему?

Дядя Петя непонимающе уставился на Ежика. Ежик зажмурился.

Директриса важно кивнула и повторила, проявляя чудеса терпения:

– Вы сегодня дарили фонарик этому мальчику?

Последовала пауза. Потом завхоз пожал плечами:

– Ну да, подарил. А мне зачем – дома валяется. Сын из заграницы презент привез, а я не пользуюсь. Думаю – пода-

рю мальцу. Мальчишки – они такие штуки любят. Пусть играет.

Ежик медленно и очень широко раскрыл глаза. Галина Петровна помолчала. Потом осторожно спросила:

– А этот мальчик вам... помогает иногда?

– Да, – с готовностью отозвался дядя Петя. Шагнул к Ежику, неожиданно потрепал его по стриженной голове. Мы с ним... мы с этим ежиком приятели. Он все время помогает.

Раздался вздох – это Татьяна Николаевна вздохнула и тут же покраснела и смутилась. На несколько мгновений установилась мертвая тишина. Затем Галина Петровна медленно обернулась к Ежику и проговорила очень ровно и бесстрастно:

– Хорошо, Ежов. Иди в класс. Держи, – и протянула фонарь на раскрытой ладони.

Развернулась и величественно направилась к выходу из зала. Татьяны Николаевна – за ней. Недра школьного здания потряс пронзительный вой звонка. Урок закончился. Раздался топот и разноголосье спешащих в столовую оголодавших деточек.

Ежик остался стоять перед дядей Петей, тупо глядя на фонарик в своей руке. Потом поднял глаза. Дядя Петя смотрел вслед удаляющимся дамам. Потом перевел взгляд на Ежика. Вздохнул и сказал тихо, но настойчиво:

– Парень, положи это взад. Понял?

А потом прибавил:

– И не убивайся ты так. Жизнь – она... еклмн... такая, понимаешь? Все пройдет.

Ежик вышел из актового зала и поплелся по коридору, проталкиваясь сквозь шумную толпу. Стиснутый в ладони, металлический стержень жег кожу. Единственное, что Ежик понял – каким-то чудесным образом сегодня «еклмн» прошел мимо. Каким именно – загадка. И еще неясно – как завхоз угадал его прозвище?

Жора и жестокое желание жить

Когда компания старых друзей собиралась вместе, время после разговоров о работе и перед подачей горячего обычно проводили за занимательными играми.

Сейчас уже не важно, кто в тот вечер предложил эту игру. Играть в нее начали от скуки, когда надоели подкидной дурак и лото. Удивительно, что при всей своей назатейливости, игра всем понравилась. Играли вшестером: бездетная пара – Тимур и Лида Козинцевы; хозяйева гостеприимного дома, счастливые родители малолетних близнецов-хулиганов – Сергей и Наташа Смирновы; находящийся в постоянном поиске, а потому часто временно одинокий бизнесмен Дима Котов и двоюродный брат Сергея Георгий, для друзей просто Жора. Всех этих людей объединяла взаимная привязанность, в их отношениях не было места зависти, неловкости или стеснению друг перед другом: все знали все и обо всех, включая самые пикантные детали биографий и тщательно скрываемые от посторонних черты характера. Тем интереснее было играть, узнавая о старых знакомых нечто новое и неожиданное.

Согласно правилам игры, заранее были приготовлены записки с кратким описанием неких жизненных ситуаций – затруднительных, сложных, трагичных, неразрешимых. Словом, тех, в которые все присутствующие надеялись никогда

не попасть. Ведь известно, что несчастье – это то, что случается у соседей, а не у нас. Тем не менее, все хорошо знают, что подобные неприятности существуют на свете и периодически происходят с кем-то. Наши герои не были исключением: каждый из них верил в свою счастливую звезду и с удовольствием фантазировал о гипотетических сложностях жизни. Следовательно, каждый участник мог записать на отдельном листочке свой вариант предполагаемого жизненного тупика.

Выбранный по жребию водящий должен был вытащить наугад бумажку с предложенной проблемой и описать способ решения – доступный, реальный и позволяющий максимально сохранить собственное достоинство. Между прочим, часто наиболее разумным и малозатратным выходом оказывалась смерть, но этот вариант по правилам игры принимался в самом крайнем случае. После речи ведущего слово должно быть предоставлено оппоненту, задача которого – разгромить аргументированную позицию предыдущего оратора и доказать несостоятельность предложенного курса. Затем общим голосованием следовало выбрать победителя – того, кто более убедительно обосновал свое мнение. И так далее: новый водящий – новая тема – новый оппонент... Очень развлекательное времяпрепровождение.

В тот вечер после обильных закусок и пары бутылок розового сицилийского вина, привезенных супругами Козинцевыми из очередного путешествия, водить выпало Жоре.

Перед вином было шампанское и невразумительный рассказ Наташи о способе сохранить лицо (и, желательно, все остальное) в темном переулке при встрече с пьяными хулиганами. Аргументы единогласно были признаны неубедительными, и теперь большие надежды возлагались на Жору – эстета и творческую личность.

Проблема Жоре досталась совсем не эстетичная. На бутылке, выбранной им наугад, были написаны всего три буквы. И теперь ему предстояло обрисовать достойный способ этим буквам противостоять.

Задача была непростой. Жора потер лоб и откашлялся. Публика ждала выступления. Жора начал:

– Итак, я узнаю, что болен. Например, это показал результат анализов. Как правило, это бывает неожиданно. Конечно, я не верю. Обращаюсь к нескольким специалистам и надеюсь, что диагноз не подтвердится.

Жора на мгновение замолчал и обвел взглядом затихших присутствующих. Потом продолжил:

– Вполне естественное ощущение, которое возникает у каждого человека при постановке такого диагноза: надежда, что это ошибка. Почему со мной? Ведь я еще молод. Я веду здоровый образ жизни. Занимаюсь спортом. Не злоупотребляю... практически ничем.

– Мы все зло не употребляем, – подал голос Дима. – Тем не менее каждый пятый заболевает. Вот так-то.

– Я понял, кто мне эту свинью подложил, – пробормотал

Жора. – Спасибо, друг.

– Жора, не отвлекайся, продолжай, – призвала к порядку Лида. – Что дальше?

– Дальше? Дальше по Димкиному сценарию диагноз должен подтвердиться. Конечно, я начинаю бегать по больницам и узнавать, насколько все серьезно. Какие у меня шансы. И когда придет кирдык.

– Почему сразу кирдык? – вмешалась Наташа. – У нас условие: смерть – последний вариант. Можно попробовать вылечиться.

– Ага, – без энтузиазма подтвердил Жора. – Именно это мне и предложат. Напичкают всякой дрянью, облучат радиацией. Может быть, даже отрежут от меня кусок. И это будет продолжаться долго – месяцы, а может быть и годы. Жизнь примет вид отложенной на время смерти. А когда я превращусь в безвольный, потерявший интерес ко всему, кроме собственной болезни, обрубок, я все равно сдохну. Только грязно, некрасиво и еще предварительно утратив некоторые части тела.

Вмешался Сергей:

– Ну хорошо, твоя позиция нам понятна. Лечиться ты считаешь бесполезным, хотя это вопрос спорный. По статистике... Да бог с ней, со статистикой. Каковы твои действия?

– Однозначно последний вариант, – убежденно произнес Жора. – Погодите, дамы, не верещите, – прервал он эмоциональные протесты Наташи и Лиды. – Я предлагаю послед-

ний вариант – эстетичный, безболезненный и, если угодно, романтичный.

– Романтичный? Это интересно.

– Куда уж интереснее. Это еще Макьюэн придумал, читали? Как вы думаете, куда я отправлюсь, когда диагноз окончательно подтвердится?

– Неужто в бордель? – съязвил Сергей.

– Не угадал. В Амстердам.

– Это одно и то же. Город вседозволенности и греха.

– А вот и нет. Город свободы. В том числе, свободы выбора.

– Так что за выбор, я не поняла?

Наташа и в самом деле была несколько туповата. Жора терпеливо разъяснил:

– Любой выбор. Чем заниматься – хоть картины писать, хоть дерьмо черпать – все в почете. Кого любить – можно женщину, можно мужчину, можно, например, банку от пепси-колы. Выбор между жизнью и смертью – тоже личное дело каждого. Надоело жить – идешь в аптеку и покупаешь специальный набор для легкой и безболезненной смерти. В коробочке шприц и ампула. И инструкция для новичков.

– Конечно, инструкция нужна. Не у всех же за плечами солидный опыт по склеиванию ласт. Необходим ликбез: «Как грамотно и опрятно откинуть копыта».

Жора, не обращая внимания на колкости, продолжал:

– Как вы знаете, я терпеть не могу уродство и неполноцен-

ность. Кроме того, увы – я трус. Боюсь боли. Поэтому выбираю смерть быструю, красивую и приятную. Перед этим я захожу по городу. Зайду в музей Рембрандта и Ван Гога. В последний раз полюбуюсь тюльпанами...

– А если зима и мороз? Какие тюльпаны?

– Пройду по узким улочкам вдоль каналов...

– Ага, по улочке красных фонарей не забудь!

– А что такого? Там тоже люди. Потом сяду на берегу канала, непременно под каштаном.

– Почему именно под каштаном?

– Потому что я так вижу. Сяду под цветущим каштаном и сделаю себе укол.

– Дальше?

– Дальше – все.

– А как же твой труп?

– Дима, меня как художника твои слова просто удивляют. Какое мне дело до трупа? Когда он будет, меня уже не будет.

– Ага, значит пусть сердобольная амстердамская полиция возится с твоим бездыханным телом. Отвезет его в крематорий для нищих...

– В крематории нет нищих. Там все равны, как в бане.

– Ну ладно. Значит ты, как последний эгоист, сдохнешь, а убирать за тобой другим? Где же тут красота?

– А чем я могу помочь? Это неизбежные издержки. Зато умру счастливым – до того, как меня измучает болезнь.

И Сергея, и Диму рассказ Жоры не удовлетворил как че-

рескур пафосный. Оба они пришли к выводу, что романтика здесь надуманная, а правды жизни маловато. Где это видано, чтобы потенциальные самоубийцы валом валили в Голландию?

Лида толкнула мужа локтем:

– Тимур, а ты что молчишь? Ты же в Амстердаме был! Ты вообще выступать собираешься?

Оппонент Жоры, до этого хранивший молчание, пожал плечами:

– Что здесь можно сказать? Вопрос о допустимости эвтаназии – один из самых сложных в современной медицине. И Амстердам здесь ни при чем. Я вообще не знаю, есть ли там в аптеках такие наборы, и вряд ли могу авторитетно высказаться в этом отношении. Но здесь, думаю, дело совсем в другом. И Амстердама оно никак не касается.

– Это почему не касается?

– А очень просто. Когда тебе, Жора, сообщат о твоей болезни, тебя не поставят в известность, сколько ты еще протянешь. И об операции – не приведи бог – речи не пойдет. Тебе пропишут курс лечения новейшими шадящими средствами, вылечившими не одну сотню таких же больных. Выяснится, что твой случай – довольно легкий, а шансы быстро поправиться при должном лечении – девяносто из ста. Ты окажешься в компании таких же, лелеющих надежду, и тех, кто уже излечился. Перед глазами у тебя будет живой пример победивших свою болезнь и тех, кто героически борется.

И ты поймешь, что это еще не конец. Что рано складывать крылья и покоряться судьбе. Что все еще можно исправить.

В комнате наступила тишина. Жора насупился, а Наташа шумно вздохнула. Тимур снова заговорил:

– Это уже потом, спустя некоторое время, выяснится, что назначенное лекарство тебе не помогает. И необходимо попробовать более радикальные способы. А самое главное – чем стремительнее будет прогрессировать твоя болезнь, тем острее и пронзительнее будет нарастать в тебе новое чувство – жесточайшее желание жить. Пусть недолго, пусть с ограниченными возможностями. Но снова увидеть рассвет... вдохнуть запах осенней листвы... ощутить руку друга и заботу родных... Еще раз открыть глаза утром и увидеть этот мир. И за это счастье ты будешь готов сражаться. Какой там Амстердам! Не до него. Да и Рембрандт твой отойдет на задний план. Отныне у тебя будет сверхзадача: прожить хоть еще один день... И ты полюбишь жизнь так, как никогда раньше – жадно, яростно и страстно. Увы, это будет безответная любовь. И все закончится так, как ты сказал. Только не в Амстердаме под каштаном. Кстати, на что он тебе – тот каштан? Их и у нас хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.